

«Так и вера, если не имеет дел,
мертва сама по себе».

*Библия короля Якова.
Послание Иакова, гл. 2, стих 17*

И эта тоже в Лондон подалась

Рединг, 1885 г.

В день похорон погода установилась не самая приятная: сильный ветер, тусклое солнце, вот-вот пойдет дождь. Не знаешь, как и одеться. Не угадаешь. Солнце вышло, и ты преешь в своем многослойном наряде – пальто, строгий жилет, цилиндр, – а потом поднялся ветер, и пальцы посинели. В общем, как ни оденся, все плохо.

Мистер Радклифф отметил, что народу пришло немного. Как поверенный почившей, сам он обязан был присутствовать на погребении, но жена приходского священника, по ее словам, была вынуждена чуть ли не силком сгонять прихожан на похороны, чтобы те отдали умершей последний долг. Церковь Св. Варфоломея занимала старое разрушающееся здание, пережиток минувших эпох, где скамеек было мало, и потому они не казались пустующими. Миссис Альма Чапмэн завещала, чтобы ее похоронили именно здесь, в «настоящей церкви», рядом с мужем. Действующая церковь – больше и лучше этой, для более совершенной и многолюдной Англии – ныне находилась в центральном городке.

Каждую горку земли, что могильщик пытался лопатой бросить на гроб усопшей миссис Чапмэн, шквальный ветер

Клэр Уитфилд

швырял в лица стоявших вокруг могилы людей, с нетерпением ожидавших завершения мучительных похорон. Слово старая женщина решила напоследок посмеяться надо всеми, выражая свое отношение к тем, кто пришел проводить ее в последний путь. Место для собственного погребения она выбрала не самое благородное и изысканное – неподалеку находилась ферма, слышался рев осла, – и потому, как только ветер в очередной раз стал сметать с лопаты землю, собравшиеся наконец-то не выдержали и начали расходиться. Даже священник ретировался.

Остались только мистер Радклифф и внучка Чапмэн – высокий столб в черном облачении. Лицо ее скрывала траурная вуаль, которую ветер прижимал к ее щекам. Руки, как и подобает, были сложены в скорбной набожности. На вид она казалась довольно юной особой, хотя, согласно документам, что у него хранились, она уже была далеко не девочка. С другой стороны, сам мистер Радклифф находился в таких летах, когда всех окружающих он воспринимал как молодежь. К тому же возраст женщин он никогда не умел определять. Они вечно молодились. Все эти их прически, перья, шляпки лишь сбивали с толку.

Сюзанну Чапмэн мистер Радклифф знал, как и большинство людей, по документам: по записям о жизни и смерти, по сведениям, содержащимся в исписанных чернилами бумагах. Бедняжка, думал он. Как жить дальше этой девочке-женщине, если у нее нет родственников мужского пола, которые могли бы взять ее под свою опеку, нет значительного капитала за душой? Очевидно, придется ей отдаться на милость тех, кто соизволит предложить ей свою защиту, рассудил мистер Радклифф. Мысленно он уже подготовил речь, которой собирался напутствовать ее после похорон. Несколько слов утешения, даже ободрения. Их было непросто подобрать: что человек его возраста мог бы сказать молодой женщине?

В кои-то веки мистер Радклифф жалел, что не привел с собой жену.

Начнет он так: «Смерть для тех, кто остался, знаменует не конец, а новый старт. Мы должны проложить новую колею поверх топких глинистых троп и каменистого бездорожья...» Выражение «топкие глинистые тропы» ему особенно нравилось, но только он шагнул в сторону девушки, собираясь озвучить ей свой монолог, она подхватила юбки, подметавшие грязную землю, повернулась и зашагала прочь. Мистер Радклифф был вынужден почти бегом догонять ее, сознавая, что это он сейчас месит глину на топкой тропе.

– Мисс Чапмэн, постойте. Уделите мне минуту вашего внимания. – Он замахал шляпой и, тяжело отдуваясь, наконец-то поравнялся с ней. – Простите ради бога. Мне, право, неловко беспокоить вас так скоро после кончины вашей бабушки. Я только хочу донести до вас одну мысль, и суть ее в том, что для вас это новый старт...

– Да, мистер Радклифф, спасибо. Я понимаю. Простите, я спешу. У меня много дел. – И она отвернулась от него, будто огромный черный обелиск. Вуаль мешала разглядеть ее черты.

– Мисс Чапмэн, позвольте проводить вас. У меня есть новости, которые, возможно, подбодрят вас, даже внушат уверенность, – сказал он, отчаянно стараясь подстроиться под шаг молодой женщины, не отстать от нее.

Мистер Радклифф объяснил, что к нему обратилась супруга приходского священника. Она готова обеспечить мисс Чапмэн жильем и платить ей небольшое жалованье, если та согласится помогать по хозяйству и заниматься воспитанием ее шести дочерей. Теперь, когда дедушка и бабушка мисс Чапмэн умерли, самое лучшее для нее – сдать в аренду жильцам их дом и найти себе мужа, да поскорее.

Клэр Уитфилд

– Будьте так любезны, поблагодарите от моего имени священника и его супругу, – отвечала молодая женщина. – К сожалению, я вынуждена отклонить столь щедрое предложение. Завтра первым же поездом я отправляюсь в Лондон.

Н-да, крайне неожиданно.

– Зачем? – поинтересовался мистер Радклифф, страшись услышать в ответ банальнейшее из объяснений.

Вот чем, скажите, Лондон манит глупых женщин? Что может знать о Лондоне и его неутолимых аппетитах незамужняя девица двадцати семи лет из маленького городка? Сколько девушек на облаках своих грез уплыли в столицу, где они связались с дурными людьми и приобрели дурные привычки? Там вечно висит желтая хмарь, вонь от реки такая, что не продохнуть, нищие, словно вишивые коты, спят на грудах мусора прямо под открытым небом. Не раз бывало, идя по улице, он слова не слышал на английском языке. И это в родной-то стране!

Нет, Лондон – не место для незамужней женщины. Эти юные девицы только и грезят что о шляпках и нарядных платьях. Думают, что они каждый день будут посещать скачки и рвать цветы в парке, что к ним выстроится очередь из влюбленных герцогов, мечтающих пасть перед ними на колени. Если б они знали, сколько там сломленных духом, голодных и бездомных людей, ни за что на свете не сели бы они в поезд, едущий в столицу.

– Мистер Радклифф, я стану сестрой милосердия, буду работать в Лондонской больнице, в Уайтчепеле. Я очень благодарна за столь великодушное предложение, но остаться не могу ни на минуту. Вы должны понимать, что с уходом их обоих здесь меня уже ничто не держит.

– Что ж, моя дорогая, будем надеяться, что ваши старания не пропадут даром. Позвольте пожелать вам удачи.

ПАДШИЕ ЛЮДИ

Я действовал из добрых побуждений, но, вижу, вы и сама стратег, даже первопроходец!

Она попрощалась и ушла, оставив его барахтаться в грязи. Он сомневался, что она покорит столицу. Большой город немилостив. В маленьком городке человек мог бы упорным трудом заработать немного денег и, оставаясь честным, почитая Бога, подняться на пару ступенек в обществе. И счел бы, что он преуспел в жизни. Лондон – не место для восхождения в верхи, невзирая на все его посулы. О, золото там, конечно, есть, кто бы спорил: за один день можно выиграть и потерять или утратить состояние. Но в Лондоне процветают только богатые, злодеи или маньяки.

1

1888 г.

Мы сочетались браком в уайтчепелской церкви Св. Иуды. Маленькая, дряхлая, она, словно грибовидный нарост, торчала между двумя флегматичными зданиями на Коммершл-стрит. Приходской священник сетовал, что люди заглядывали в церквушку только по воскресеньям, если дождь лил, да и то при условии, что им удастся пожить здесь деньгами. В противном случае народ просто разбежался по Петтикоут-лейн. Я на церемонию пришла в синем дорожном костюме и соломенном капоре, который, по настоянию сестры Парк, был украшен вуалью и бу-мажными оранжевыми цветами. Она сама их пришивала при тусклом сиянии свечи в комнате над помещениями больницы, где мы жили вместе. Я сказала ей, чтобы она поберегла глаза, но Парк была из тех женщин, которые получают удовольствие от подобных бессмысленных ритуалов, и потому слышать ничего не желала.

В роли шафера Томаса выступил его коллега доктор Ричард Ловетт. В больнице я его видела, но наши пути обычно не пересекались. По-настоящему я с ним познакомилась только в день бракосочетания. Вместе они держались как самые закадычные друзья: хохотали, пихали друг друга локтями, хитро перемигивались. Они даже внешне были похожи: оба темноволосые, высокие, стройные, холеные. Прямо родные братья.

ПАДШИЕ ЛЮДИ

Сразу, как мы поженились, я уведомила о том матрону Лакс, и она, как и ожидалось, тотчас же меня уволила. У замужней женщины одно-единственное предназначение — быть достойной женой. Уход за больными — взъискательная профессия, требует полнейшей самоотдачи. На том и закончилась моя карьера, ради достижения которой я поставила на карту самое свое существование, отвергнув все то, о чем мечтала для меня бабушка. Я с готовностью переехала в худший, наверно, район Лондона и на протяжении двух лет старательно постигала сестринское дело, чуть не ослепла за книгами, чтобы получить желанное место сестры милосердия в больнице. Теперь же собственноручно я перечеркнула все свои достижения в приступе бесшабашной эйфории. Я не верила своему счастью: чтобы невзрачная старая дева вроде меня сделала блестящую партию, выйдя замуж за молодого красавца, который бы ее обожал... Так просто не бывает. Неужели на свете и впрямь случаются чудеса?

Пьянея от радости, я с восторгом представляла наше совместное будущее. Меня не покидало ощущение, что я удостоена штампа «одобрено». Что я перенеслась в другую реальность. Еще несколько недель назад я понятия не имела, как буду жить, что делать, а теперь я окунулась в совершенно иное существование, у меня появился человек, с которым я стану строить свое будущее. Был только один момент, когда я плохо сыграла свою роль. В предсвадебной суете Томас предложил провести медовый месяц в Брайтоне, а я немного замялась. Он поинтересовался, бывала ли я там раньше. Я солгала, сказала, что не бывала. Моя ложь не таила в себе никаких ужасов. Просто с Брайтоном у меня были связаны некие воспоминания, которым не так-то легко было дать надлежащее объяснение.

Мой новоиспеченный супруг снял для нас номер в гостинице «Королевский Альбион», расположенной прямо

